

Юрист № 1/2013

В номере



18



26



30



34



41

Интервью

- 3** Интервью с управляющим партнером Юридической фирмы «ЮСТ», первым вице-президентом Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации доктором юридических наук Ю.С. Пилипенко

Актуальные вопросы коммерческой практики

- 9** Багрова Е.А.
Вопросы эффективной организации работы юридической службы компании

Трудовое право

- 14** Изотова С.Е.
Некоторые особенности трудо-правового статуса управляющего директора
- 18** Коновалова К.С.
Особенности трудовых отношений работников с индивидуальными предпринимателями

Юридическая защита собственности

- 22** Кострба М.Я.
Неправомерный захват собственности путем рейдерства: понятие, формы, способы совершения и пути противодействия

Бизнес и государство

- 26** Чукреев А.А., Зайцева Л.В.
Запрет на осуществление предпринимательской деятельности и сдача внаем (аренду) помещений государственными служащими
- 30** Гапанович А.В.
Правовая природа договора на оплату организационного взноса и его соотношение с законом о размещении заказов
- 34** Великжанин Т.Г.
Некоторые вопросы законности предоставления сведений в сводный кадастр производства и потребления города Москвы

Правосудие

- 36** Вишневская И.А.
Оценщик в судебном процессе. Особенности производства экспертизы по оценке акций (бизнеса)

Мнение специалиста

- 41** Егорова М.А.
Состояние акцессорных обязательств при динамике основного правоотношения

Рецензия на книгу

- 46** Володина С.И.
Рецензия на книгу С.Ю. Макарова «Консультирование как один из видов юридической деятельности»

47 Аннотации к статьям

Издатель, учредитель

Издательская группа «Юрист»

Главный редактор

Гриб В.В., д.ю.н., профессор

Редакционный совет

Бублик В.А., д.ю.н., профессор,
Витрянский В.В., д.ю.н., профессор,
Голиченков А.К., д.ю.н., профессор,
Капустин А.Я., д.ю.н., профессор,
Корнеев А.П.,
Крашенинников П.В., д.ю.н., профессор,
Кропачев Н.М., д.ю.н., профессор,
Мацкевич И.М., д.ю.н., профессор,
Москалькова Т.Н., д.ю.н., д.ф.н., профессор,
Перевалов В.Д., д.ю.н., профессор,
Попондопуло В.Ф., д.ю.н., профессор,
Сальников В.П., д.ю.н., профессор,
Ярков В.В., д.ю.н., профессор

РЕДАКЦИЯ**Главный редактор журнала**

Гриб В.В.

Заместители главного редактора ИГ «Юрист»

Ренов Э.Н., Белых В.С., Платонова О.Ф.,
Трунцевский Ю.В., Фоков А.П.

Редакция

Бочарова М.А., Макарова Н.М., Оводов А.А.,
Курукина Е.И.

Подписка

индекс по каталогам
«Роспечать» — 72945/79142;
Объединенный каталог — 86887;
Почта России — 10743.
Подписаться можно также на сайте
www.gazety.ru

Подписка через редакцию:
(495) 617-18-88;
E-mail: podpiska@lawinfo.ru

Печать

Отпечатано
в ООО «Национальная
полиграфическая группа».
Тел.: (4842) 70-03-37.

Адрес редакции и издательства

Почтовый: 115035, г. Москва,
Космодамианская наб., д. 26/55,
стр. 7

Отдел по работе с авторами:

(495) 953-91-08

E-mail: avtor@lawinfo.ru**Авторам**

Тел.: (495) 953-91-08
E-mail: avtor@lawinfo.ru
www.lawinfo.ru

Отдельные материалы наших журналов
размещаются в электронной правовой системе
«КонсультантПлюс».

Партнеры ИГ «Юрист»

Журнал издается при участии
Ассоциации юристов России,
Общественной палаты России,
Российской академии юридических наук,
ЗАО «КонсультантПлюс»,
Ассоциации юридических вузов,
Федеральной палаты адвокатов

ВАК

Журнал рекомендуется Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук.

Выходные данные

Формат 60x90/8. Печать офсетная. Физ. печ. л. — 6.
Усл. печ. л. — 8.
Общий тираж 5000 экз.
ISSN — 1812-3929
Номер подписан в печать 29.12.2012 г.

© Запрет

Полная или частичная перепечатка материалов
без письменного разрешения авторов статей
или редакции преследуется по закону.

Интервью с управляющим партнером Юридической фирмы «ЮСТ», первым вице-президентом Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации доктором юридических наук Ю.С. Пилипенко



— Вы являетесь известным специалистом в области адвокатской тайны. В своих статьях, публичных выступлениях Вы часто обращаете внимание на проблему противоправного вмешательства в адвокатскую деятельность со стороны должностных лиц правоохранительных органов. Как Вы думаете, в условиях необходимости обеспечения национальной

безопасности, перманентной террористической угрозы каковы пределы ограничения адвокатской тайны?

— Да, сложный вопрос Вы задали. Но даже на сложные вопросы у нас есть ответы.

Бороться с терроризмом необходимо, в этом нет никаких сомнений, но адвокатская тайна, на мой взгляд, еще никогда не мешала, да и не может этому помешать. Во-первых, борьба с терроризмом, как правило, ведется на опережение, задолго до того момента, когда кто-либо обращается к адвокату. Во-вторых, я не помню ни одного случая в своей практике и даже теоретически не могу сконструировать такую ситуацию, когда в современных условиях глобализации, при нынешней оперативной и технической оснащенности спецслужб, адвокатская тайна могла бы послужить им препятствием в борьбе с терроризмом.

Что же касается правового регулирования, то я, извините за нескромность, защитил докторскую диссертацию, посвященную институту адвокатской тайны. И у меня есть нестандартные соображения, связанные с характером адвокатской тайны.

Современное регулирование этого института сводится к тому, что адвокатская тайна является абсолютной — она распространяется на все сведения, связанные с оказанием юридической помощи, начиная с самого факта обращения к адвокату. Получается, что даже имя клиента назвать нельзя. При этом срок хранения тайны не ограничен во времени, и адвокат не может

быть освобожден от обязанности хранить тайну никем, кроме доверителя.

Так вот, я в своей работе писал о том, что являюсь сторонником разумного ограничения адвокатской тайны. И одна из моих теоретических конструкций (это чисто научная разработка, не хотел бы настойчиво ее пропагандировать) сводится к тому, что есть случаи, когда адвокат должен иметь право сам распоряжаться сведениями, составляющими адвокатскую тайну. Подчеркиваю, что речь идет не об обязанности, а о праве, то есть о том, чтобы адвокат включал в этот механизм собственное усмотрение.

Действующее регулирование предусматривает только один случай, когда это возможно: адвокат имеет право без согласия доверителя использовать сообщенные ему доверителем сведения в объеме, который адвокат считает разумно необходимым для обоснования своей позиции при рассмотрении гражданского спора между ним и доверителем или для своей защиты по возбужденному против него дисциплинарному производству или уголовному делу (п. 4 ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Полагаю, что если адвокату стало известно о готовящемся преступлении, направленном против жизни человека, то он также должен иметь право не соблюдать адвокатскую тайну и принять меры к тому, чтобы это преступление предотвратить. В том числе сообщить о его подготовке в правоохранительные органы. Я считаю, что защита человеческой жизни является для адвоката не менее важной задачей, чем самозащита от собственной ответственности перед клиентом.

Представляется, что адвокатская тайна, как и любой другой институт, становится иллюзорной вещью в тот момент, когда на другую чашу весов ставится жизнь человека (или группы людей). Поэтому борьба за человеческую жизнь, на мой взгляд, может (и должна) быть критерием для определенного ограничения адвокатской тайны. Но террористическая деятельность — более широкое понятие, чем покушение на жизнь, поэтому борьба с терроризмом таким критерием быть не может, иначе адвокат должен был бы заниматься доносительством о переводе денег, например.

А вот если бы адвокату, например, стало известно в процессе оказания юридической помощи, что готовится взрыв бомбы на вокзале, то, я считаю, он должен быть вправе об этом сообщить. Не столько потому, что это террористическая деятельность, а потому, что в опасности жизнь людей. И Кодекс профессиональной эти-

ки, на мой взгляд, должен освободить адвоката от обязанности хранить тайну, если тот знает, что готовится преступление против жизни человека, в том числе и преступление террористической направленности.

Не уверен, правда, что большинство коллег разделяют мой подход.

— *Сейчас много говорят о перспективе адвокатской монополии, и Вы, как нам известно, ее сторонник. Не кажется ли Вам это европейским архаизмом? И разве российское право не предоставляет сейчас иных средств воздействия на недобросовестных лиц в сфере оказания юридических услуг?*

— Я поклонник выдающихся личностей, но сторонник институтов. Адвокатура — институт, эффективно работающий в определенной сфере общественных отношений, и мне ничего не известно о том, чтобы адвокатская монополия стала архаизмом и где-нибудь на практике ей на смену пришло что-то столь же разумное. Полагаю, что введение адвокатской монополии на судебное представительство — это цивилизованный подход к регулированию сферы оказания юридической помощи, и в российском праве нет никаких иных инструментов, чтобы влиять на качество помощи, оказываемой гражданам.

Государство в нашей стране провозгласило в Конституции право каждого на квалифицированную юридическую помощь и может обеспечить его, только предъявив набор определенных требований к лицам, оказывающим эту помощь. Иное невозможно.

Сейчас юридическую помощь оказывают как адвокаты, так и практикующие юристы без адвокатского статуса, то есть две группы лиц, примерно равные, на мой «глазок», по количеству (около 70 тысяч человек), но абсолютно неравные по условиям, в которые они поставлены: деятельность адвокатов регулируется специальным законом, деятельность предпринимателей не регулируется никак.

Закон предъявляет к адвокату определенные требования: обязательное юридическое образование, два года стажа работы, специальный экзамен, необходимость повышать квалификацию; соблюдение кодекса этики; дисциплинарная ответственность и прочее. Их наличие предполагает, что качество оказываемых адвокатами услуг должно быть выше, чем качество услуг предпринимателей, к которым подобные требования не предъявляются вовсе. В любом случае, на адвоката можно повлиять через адвокатуру.

В обмен на выполнение этих требований государство предусмотрело в законе для адвокатов некоторые привилегии — следственный и судебный иммунитет, право на адвокатскую тайну.

Получается, что к одной группе людей, оказывающих юридическую помощь, государство требования предъявляет, а к другой — нет. Поэтому на вторую группу людей повлиять правовыми средствами невозможно. И рынок в данном случае ничего и никогда не урегулирует, потому что для конкуренции нужны равные условия, которых нет.

Обеспечить воздействие на недобросовестных лиц в сфере оказания юридических услуг может только здоровое правовое регулирование. Лучший способ такого регулирования — сделать обязательным для всех лиц, оказывающих юридическую помощь, в частности, судебное представительство, членство в адвокатуре — независимой самоуправляемой корпорации. Объединить в ней всех практикующих юристов — значит реализовать конституционное право каждого на квалифицированную юридическую помощь.

— Что Вы думаете о перспективах совершенствования Кодекса профессиональной этики адвоката?

— Для меня это вопрос в силу своей актуальности представляется наиболее интересным.

Кодексу профессиональной этики адвоката в январе 2013 г. исполняется 10 лет. Наряду с Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» он сыграл огромную роль в нормативном регулировании деятельности российских адвокатов, установив для них принципы и нормы профессионального поведения, а также процедуру привлечения к ответственности.

Кодекс является, безо всякого преувеличения, замечательным документом, его существование — это, может быть, одно из самых серьезных достижений российской адвокатуры последнего столетия. Он заложил основы для формирования собственной дисциплинарной практики, собственного взгляда на этику адвокатского поведения, корпоративного правосознания.

Сейчас кодекс в значительной степени соответствует реалиям современных взаимоотношений как между адвокатами, так и между адвокатом и доверителями. Но это не исключает необходимости внесения в него изменений и дополнений, потому что десятилетняя практика

его применения выявила некоторые недостатки, недоработки.

Оснований разрабатывать новый кодекс у нас сейчас нет, хотя не исключено, что они появятся, если произойдут существенные изменения в регулировании адвокатской деятельности. Но пока затевать революцию мы не собираемся — Совет ФПА 20 июня принял решение ограничиться поправками в действующий документ.

Тогда же была сформирована рабочая группа по подготовке проекта поправок, в которую вошли известные и уважаемые в адвокатском сообществе люди — вице-президенты ФПА РФ Владимир Васильевич Калитвин и Светлана Игоревна Володина, президент АП Орловской области Сергей Александрович Мальфанов и президент АП Чувашской Республики Юрий Сергеевич Кручинин. (Юрий Сергеевич, к сожалению, в конце ноября покинул нас в связи с избранием на очень ответственную должность — Уполномоченного по правам человека в Чувашской Республике.) Не без некоторого сопротивления с моей стороны я был избран председателем рабочей группы. Главную роль в этом решении Совета сыграло то обстоятельство, что несколько лет назад я издал комментарий к Кодексу профессиональной этики адвоката.

В рабочую группу поступило из адвокатских палат и от адвокатов свыше 170 поправок. Больше половины нам пришлось исключить, потому что они или не соответствовали законодательству, или дублировали другие предложения. Но даже оставшееся количество свидетельствует о том, что есть серьезный материал для дискуссии, хотя мы и выбрали эволюционный путь изменения кодекса.

Я убежден, что если не все, то по крайней мере очень многие из этих поправок не только важны, но и жизненно необходимы. И теперь от того, сумеет ли адвокатура цивилизованно обсудить и принять их, во многом зависит будущее нашей корпорации. Потому что результат этого экзамена будет свидетельствовать о том, насколько российская адвокатура способна к самоорганизации и может ли она сама, без вмешательства государства, решить наиболее важные проблемы в своей деятельности.

— Как Вы относитесь к такому явлению в адвокатской практике, как гонорар успеха?

— К гонорару успеха я отношусь позитивно, ничего дурного в этом не вижу, никому еще в этой жизни гонорар успеха ни разу ни в чем не повредил. Позицию Конституционного Суда

по этому поводу имею право не разделять. Никогда и никто из моих коллег не рассматривал гонорар успеха как плату за судебное решение. Это плата за усилия адвоката, за его работу, это адвокатский риск. Но это не единственный аргумент. Есть и другой: не нужно забывать о том, что для малоимущих граждан, которые не могут оплачивать услуги адвоката по имущественным спорам, гонорар успеха — это зачастую единственная возможность получить квалифицированную юридическую помощь.

Гражданские процессы идут долго — по году или более. И что делать, если у человека нет денег, чтобы выплачивать адвокату за ведение дела гонорар по тарифу или по часовой ставке? Тогда адвокат, который берется за дело, говорит: хорошо, если у тебя нет возможности заплатить, то я возьму 10–15–20 процентов от суммы иска, когда выиграю дело. По-моему, это очень по-человечески, и это является совершенно естественным ходом событий, в том числе и с точки зрения общих норм морали и нравственности.

И кстати, не надо забывать, что для адвоката это всегда риск, потому что хотя он, конечно, оценивает шансы на победу, прежде чем взяться за дело, но ведь может все-таки проиграть, и тогда его работа останется неоплаченной.

Насколько я понимаю, многие коллеги по-прежнему практикуют гонорар успеха. Ведь, по сути, он только лишен судебной защиты, а стороны при наличии доброй воли и взаимности могут предусматривать гонорар успеха в соглашении.

— В продолжение вопроса о гонораре. Часто приходится слышать как от адвокатов, так и от судебных представителей, что российские суды жадны в компенсации затрат на оказание юридических услуг, в том числе представителей. На Ваш взгляд, в какой сумме возможно возмещение?

— Этому удивляюсь чрезмерно. Не в полной мере, мягко говоря, понимаю своих коллег, которые по завершении выигранного дела еще взыскивают себе судебные издержки с противной стороны. Мы, то есть Юридическая фирма «ЮСТ», никогда и ни с кем не судились ни по поводу гонорара, ни по поводу судебных издержек. Не знаю, можно ли этим гордиться, но именно этого я и не стыжусь. Для меня это просто необъяснимая вещь — крохоборство. Только от недостатка клиентуры и дел можно так зарабатывать. Судьи же тоже все понимают, здесь есть серьезная возможность для злоупотреблений.

Ну не может адвокат по выигранному иску на миллион рублей получать гонорар в размере 700 000 тысяч. А если и может, то ну никак нельзя такой несоразмерный гонорар довыскивать с проигравшей стороны. Как минимум это не добросовестно.

Я бы предостерег своих коллег от того, чтобы привлекать внимание к этой проблеме и «дразнить гусей». Если кто-то и выстраивает свои жизненные стратегии на том, чтобы все подобрать не только со стола, но и под столом, то это его проблема. Это не проблема нашей корпорации, нашей профессии. Очень хотелось бы надеяться, что они не будут ставить собственные сиюминутные меркантильные интересы выше интересов профессии. Иначе нас «возьмут в оборот».

— Российский правопорядок в настоящее время испытывает значительное событие в своем развитии — рекодификацию одной из основных отраслей, а именно гражданского права. Как Вы думаете, адвокатское сообщество готово к столь значительным изменениям?

— Мы должны найти золотую середину между стабильностью и гибкостью.

С одной стороны, действующий Гражданский кодекс является серьезным достижением, это базовый акт для регулирования гражданско-правовых отношений, и его действие без существенных изменений в течение долгого времени — залог стабильности в этой сфере. Акты такой значимости не могут меняться каждый год, и, конечно, поэтому хотелось бы, чтобы в него вторгались как можно меньше. Это как Конституция.

С другой стороны, в эпоху глобализации объективно мы столкнулись с тем, что российский (и особенно смешанный) бизнес предпочитает другие юрисдикции. Первая причина — наш Гражданский кодекс содержит слишком много императивных норм и не дает возможности так конструировать сделки, сложность которых все возрастает, чтобы стороны могли вписать в договор все — именно свои условия. Вторая — наши суды, к сожалению, имеют право по своему усмотрению, особо не задумываясь над обоснованием, менять штрафные санкции, неустойки и т.д., если сочтут, что они слишком велики или малы.

Конечно же, бизнес заинтересован в том, чтобы правовые последствия сделок были предсказуемыми и не надо было опасаться, что условия договора войдут в противоречие

с императивными нормами ГК или судебная инстанция, например, не применит вписанную в договор неустойку. Поэтому, если мы хотим, чтобы сделки структурировались по российскому праву, вносить изменения в Гражданский кодекс необходимо. Мы, адвокаты, разумеется, к этому готовы и этого ждем, потому что сейчас мы теряем много клиентов, которые уходят в другие юрисдикции из-за того, что наше право не столько хуже, сколько «туже» применяется.

Конечно же, в этом контексте возникает некоторое количество вопросов и к нашей судебной системе. Не только «строгий» Гражданский кодекс, но и непредсказуемый, а подчас и слишком предсказуемый, процесс влияют на настроения бизнеса и юристов.

— В СМИ очень часто упоминается дело по иску внука Сталина о защите чести и деловой репутации, где Государственная Дума выступала ответчиком, а Вы представляли ее интересы. Если это не нарушает адвокатской тайны, не могли бы Вы ввести наших читателей в курс дела, в чем заключался спор?

— Какая здесь может быть тайна? Об этом много писалось в СМИ, судебный процесс был открытым.

В конце 2011 г. Евгений Яковлевич Джугашвили обратился в Тверской районный суд г. Москвы с иском к Государственной Думе о защите чести и достоинства своего слишком известного деда. До этого иск был подан в Верховный Суд, который возвратил его как не относящийся к его подсудности.

Недовольство Джугашвили вызвало постановление Госдумы от 26 ноября 2010 г., которым было утверждено заявление Госдумы «О Катынской трагедии и ее жертвах». Как указывалось в заявлении, хранившиеся в архивах СССР документы свидетельствуют о том, что тысячи польских граждан, содержащихся в лагерях для военнопленных НКВД СССР и тюрьмах западных областей Украинской и Белорусской ССР, были расстреляны по прямому указанию Сталина и других советских руководителей. Государственная Дума выразила глубокое сочувствие всем жертвам необоснованных репрессий, их родным и близким, осудила террор и массовые преследования людей. Немного политики, немного истории, немного человечности — все в меру. И конечно же безмерная трагедия тысяч и тысяч людей.

Джугашвили же в исковом заявлении выразил несогласие с тем, что к Катынской трагедии

был причастен лично И.В. Сталин. В моем понимании его позиция (она менялась несколько раз) свелась к тому, что массовые расстрелы польских граждан осуществила фашистская Германия, а Сталин к этому злодеянию не причастен, поскольку к уголовной ответственности за это он не привлекался и осужден не был. Представители Е.Я. Джугашвили ссылались на приговор Нюрнбергского трибунала, хотя в тексте приговора по поводу массового расстрела поляков в Катыни ничего не сказано. Подсудимым нацистам действительно инкриминировалось по настоянию советской стороны (!!!) в том числе уничтожение польских военнопленных, однако защита смогла доказать их непричастность к этому преступлению, и осужден за него никто не был.

Полагаю, что если в приговоре данный эпизод не упоминается, то преюдиции быть не может. Однако представители Е.Я. Джугашвили, насколько мне удалось понять их, думали иначе — факт предъявления военным преступникам фашистской Германии обвинения в расстреле польских военнопленных они сочли достаточным доказательством того, что это преступление совершила именно фашистская Германия, а не НКВД и И.В. Сталин.

Но, на мой взгляд, это дело интересно не столько с точки зрения сути спора, сколько в процессуальном аспекте: иск к Государственной Думе не должен был рассматриваться судом в порядке искового производства и в рамках дела о защите чести и достоинства. Требования Е.Я. Джугашвили лишь по форме сводились к опровержению распространенных сведений, но по сути оспаривалось политическое заявление Госдумы. Это официальный документ — решение органа государственной власти. А гражданско-процессуальным законодательством для оспаривания решений органов государственной власти предусмотрен специальный, неисковый порядок.

Однако судья Тверского суда с позицией Госдумы не согласилась. Она рассмотрела иск о защите чести и достоинства, хотя и отказала в его удовлетворении (на том основании, что Госдума выразила в заявлении свое субъективное мнение, которое не является предметом судебной защиты в порядке ст. 152 ГК РФ, поскольку не может быть проверено на предмет соответствия его действительности). Что выглядит как-то не очень серьезно.

Тем самым Тверской районный суд г. Москвы создал опасный прецедент, в соответствии

с которым любой документ любого органа государственной власти может оспариваться не в специальном порядке, а в рамках защиты чести, достоинства и деловой репутации. И наверное, любой другой документ тоже. Что, безусловно, противоречит действующему законодательству и разъяснениям Верховного Суда.

Вот этим «новшеством» дело и интересно. Но мы его и в исковом порядке выиграли.

— Вы помните свое первое дело, которое вели в качестве адвоката? Какое дело на сегодняшний день для Вас наиболее памятно?

— Я помню не только первое свое дело — хорошо помню все дела, которые вел, хотя их было немало. В моем адвокатском багаже — практически любые дела, которые мог бы вести успешный адвокат. От защиты по назначению в уголовных процессах до представительства интересов России в международных судах, от защиты убийц до крупнейших процессов по банкротству, от возврата культурных ценностей до участия в крупнейших сделках поглощения и слияния. И много чего такого, о чем все и говорить не стоит.

Но, конечно, самое памятное — дело ГКЧП, где я защищал Владимира Александровича Крючкова, Председателя КГБ СССР. Мой подзащитный — умнейший, интеллигентнейший человек был, светлая ему память. А я был тогда молодой адвокат, мне еще тридцати лет не исполнилось. Позже я прочитал, как он написал обо мне в своих мемуарах, что-то вроде «молодой, а уже умный». Теперь приходится стараться, соответствовать.

Это дело для меня было настоящей школой, потому что в нем участвовали все звезды адво-

катуры, в том числе и Генри Резник, и Генрих Падва, и Александр Клигман, и мой патрон — Юрий Иванов. Это дело открыло мне двери в адвокатский мир. Слишком много я тогда узнал, увидел, понял.

— Какую книгу Вы бы посоветовали прочесть начинающему адвокату?

— Мой научный учитель, Владимир Александрович Туманов, у которого я и диплом защищал, и первую диссертацию, царство ему небесное, часто приговаривал: «Книжки читать надо!»

Вот и я вслед за ним рекомендовал бы всем юристам, в том числе и адвокатам, чаще читать книги. Разные по жанру, по мастерству авторов, по известности. Не обязательно юридические — художественная литература не только мозги тренирует, но и душу тонизирует.

Конкретных авторов называть не стану. Могу только рискнуть посоветовать, чего уж точно читать не надо: Дарью Донцову — плохо на мозги влияет; инструкции по фэн-шуй — не наше это, чужое; исторические опусы г-на Мединского — жанры в них смешаны, фантастика почему-то исторической публицистикой обозначена. «Не в коня корм» — тот, кто только через телевизор мир познает, читать так много все равно не будет, а кто еще кой-чего прочитал — легко найдет 10 отличий. Хотя и благородная задача ставилась.

А так, конечно, — читайте, думайте, живите. И будьте здоровы!



*Интервью брали
Блинков О.Е., Оводов А.А.
Фото: Андрей Багрянский*